

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдельнаго номера 20 к.

ФЛАЖГА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:
 На 1 годъ . . . 8 р. — к.
 „ 6 мѣсяцевъ.. 4 „ 50 „
 „ 3 мѣсяца . . . 2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:
 На 1 годъ . . . 8 р. 50 к.
 „ 6 мѣсяцевъ.. 5 „ — „
 „ 3 мѣсяца . . . 2 „ 75 „

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

— Позвольте пройти!
 — Куда лѣзешь?

рублей, само собою разумѣется, сейчас же были перепечатаны всѣми остальными тифлисскими газетами и весь городъ тотчасъ-же затрубилъ объ этомъ необыкновенномъ событіи. Одни завидовали, другіе бранились, третьи рассказывали по поводу выигрыша цѣлыя исторіи, описывая обѣды, ужины и праздники, задаваемые Щербаковымъ, наконецъ, четвертые обдумывали уже, какъ-бы половчѣе поднадуть вновь народившагося богача. „Тифлисскія Объявленія“, гордя тѣмъ, что они первыя возвѣстили о столь замѣчательномъ событіи, заявили, что тифлисскіе капиталисты посылаютъ уже своихъ агентовъ къ Щербакову, дабы заманить его къ свои „гешефтмейстерскія“ дѣла. Словомъ, весь городъ кричалъ объ этомъ событіи и всѣ считали бѣднаго прикащика счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ...

Но тутъ-то вотъ и начинается трагическая сторона дѣла...

Представьте себѣ, читатель, наше удивленіе, когда въ редакцію „Фаланги“ вдругъ явился въ безпокойномъ и взволнованномъ видѣ самъ герой дня, самъ вновь народившійся богачъ, самъ счастливцевъ изъ счастливцевъ, словомъ, самъ прикащикъ Щербаковъ. Первую минуту мы думали, что онъ ошибся дверью и вмѣсто „Взаимнаго кредита“ попалъ въ редакцію „Фаланги“ по недоразумѣнію, но когда онъ произнесъ „господа, защитите!“, мы поняли, что онъ искалъ именно насъ.

— Помилуйте, господа, за что на меня такая напасть?! началъ говорить дрожащимъ голосомъ Щербаковъ: не только я 200,000 рублей не выигрывалъ, но даже никогда у меня никакого билета не было и нѣтъ. Помилуйте, мнѣ теперь просто проходу не даютъ! Всѣ поздравляютъ, всѣ жмутъ руки, всѣ меня цѣлуютъ... Самые, можно сказать, тузы и миллионеры ищутъ знакомства со мной, съ простымъ цѣловальникомъ: одинъ предлагаетъ мнѣ купить у него какое-то богатѣйшее имѣніе, другой приглашаетъ дать ему 50 тысячъ и вступить съ нимъ въ компанію, третій даетъ сейчасъ же за тотъ билетъ, котораго у меня нѣтъ и никогда не было, 170 тысячъ... Всѣ лѣзутъ съ своими услугами, всѣ хотятъ войти со мною въ дружбу, кто денегъ взаимны проситъ, кто самъ мнѣ взаимны непременно дать хочетъ... Просто терпѣнія моего нѣтъ!.. Отъ работы оторвали... По улицамъ ходить не могу... И кто это выдумалъ, чтобъ пусто ему было!... Ради Бога, господа, защитите, напишите въ „Фалангѣ“ вашей, что какимъ я былъ простымъ прикащикомъ, такимъ и остался, что ничего я не выигрывалъ... Пусть, наконецъ, отстанутъ отъ меня всѣ эти друзья и доброжелатели. Защитите, господа!...

Мы успокоили его и обѣщались напечатать то, что онъ сказалъ намъ. Самъ Щербаковъ можетъ подтвердить, что мы не при-

бавили ни буквы къ его разсказу. Щербаковъ называлъ нѣсколько вѣсьма извѣстныхъ въ Тифлиссѣ фамилій, но къ сожалѣнію не могъ опредѣленно указать на тѣхъ тузовъ, которые вѣшались ему на шею. А то, разумѣется, ни онъ, ни мы не скрыли бы этихъ именъ. Картинка слишкомъ хороша, для того чтобы вычеркивать изъ нея хоть что-нибудь. Если-бы этотъ бѣдный Щербаковъ былъ по нравственной фигурѣ своей хотя немного похожъ на тѣхъ „тузовъ“, которые какъ коршуны къ нему слетѣлись, почувявъ добычу, онъ хорошенькій гешефтъ могъ бы сдѣлать изъ всей этой исторіи, достойной кисти первокласснаго сатирика. Онъ бы могъ заключить всевозможныя условія, получить задатки, набрать взаимны денегъ, учесть нѣсколько своихъ векселей, и затѣмъ уже объявить, что все это ни болѣе ни менѣе, какъ грандіозная газетная утка. Эта домашняя утка могла бы хищнымъ птицамъ сдѣлать много непріятностей. Но Щербаковъ — простой человѣкъ. Онъ самъ прибѣжалъ искать защиты отъ задушившихъ его объятій и не сумѣлъ утилизировать утку. Но согласитесь, господа, что положеніе этого выдуманнаго героя—среди общаго крика и ликованія, среди привѣтовъ, объятій и лобзаній—поистинѣ трагично. Мы забыли спросить у него, женатъ-ли онъ?... Если не женатъ, то—бѣдныя тифлисскія невѣсты! — сколько розовыхъ дѣвичьихъ надеждъ разрушатъ настоящія строки!.. Былъ хороший, знатный женихъ—прикащикъ водочнаго склада Алексѣй Щербаковъ, и вдругъ—нѣтъ теперь этого хорошаго, знатнаго жениха!..

Интересно знать, что будетъ говорить теперь редакторъ „Тифлисскихъ Объявленій“? Сообщитъ ли онъ, наконецъ, у какого именно генерала, два года и восемь мѣсяцевъ тому назадъ, Алексѣй Щербаковъ купилъ свой удивительный билетъ за № 42, серіи 17,892, хранившійся съ того времени въ государственномъ банкѣ?..

Изумительныхъ, право, способностей человѣкъ этотъ г. редакторъ!.. Узналъ съ поразительною точностью и нумеръ, и всю біографію того билета, котораго у Щербакова никогда не было.

Ахъ, кстати!.. Прикащикъ-то парикмахера Берлемона выигралъ 5,000 руб. или нѣтъ?..

???

11-го Іюля редакція «Фаланги» отправила телеграмму редакціи «Голоса», а на другой день получила на телеграфномъ бланкѣ слѣдующую строчку безъ всякой подписи:

Вашъ № 188 Голосу не пропущенъ.

Что сей новый сонъ обозначаетъ?

Недоумѣваемъ и ставимъ оиать вопросительный знакъ—?

Я дуракомъ на свѣтъ родился
И дуракомъ окончу вѣкъ,
Но я всегда того стыдился,
Что я—ничтожный человѣкъ.

Поставку хлѣба поручили
На двѣ дивизіи солдатъ,
Но дурака не научили
Примѣры, бывшіе стократъ.—

Тамъ, гдѣ другіе наживали,

Одни лишь дураки не брали,
Какъ и теперь я не беру.

Мои тварищи нажились,
Дома себѣ приобрѣли,
И уваженія добились
Отъ сыновей родной земли.

Мнѣ-жъ съ нищетой пришлось остаться!
Въ душѣ царитъ ужасный мракъ...
Въ ушахъ же вѣчно раздается:

Дуракъ!!

Х—новъ.

ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ПОДВИГОВЪ Г. БАТАЛИНА

Перелистывая коллекцію „Тифлисскаго Вѣстника“ за 1875 г., мы нашли въ ней, въ № 99, слѣдующую интересную замѣтку, въ числѣ многихъ прочихъ замѣточекъ, которыми „Тифлисскій Вѣстникъ“ характеризовалъ нравы тогдашней столичной печати.

„Какой-то Томасъ обратился въ судъ съ жалобой на редакцію „Петербург. Газеты“, а изъ жалобы этой обнаруживается, что онъ принесъ въ редакцію статью, съ цѣлью „изобличить неблаговидные поступки“ какого-то Галебскаго противъ него, Томаса, и что г. Баталинъ, завѣдывавшій газетою, потребовалъ за напечатаніе статьи 30 р., что и было ему уплачено. Между тѣмъ, Баталинъ искалъ статью. Когда-же Томасъ остался этимъ недовольнымъ, Баталинъ явился на квартиру Томаса и предложилъ написать всю біографію Галебскаго за 100 р. Томасъ не согласился. Увидя неудачу, Баталинъ предложилъ свои услуги Галебскому, и вслѣдъ затѣмъ появился въ газетѣ цѣлый рядъ статей, оскорбляющихъ честь Томаса“.

Теперь г. Баталинъ — редакторъ-издатель большой политической газеты „Минута“.

**

Она создана на показъ...

Въ ней все обѣщаетъ блаженство:

И дѣвственныхъ формъ совершенство,

И пламенный взоръ черныхъ глазъ.

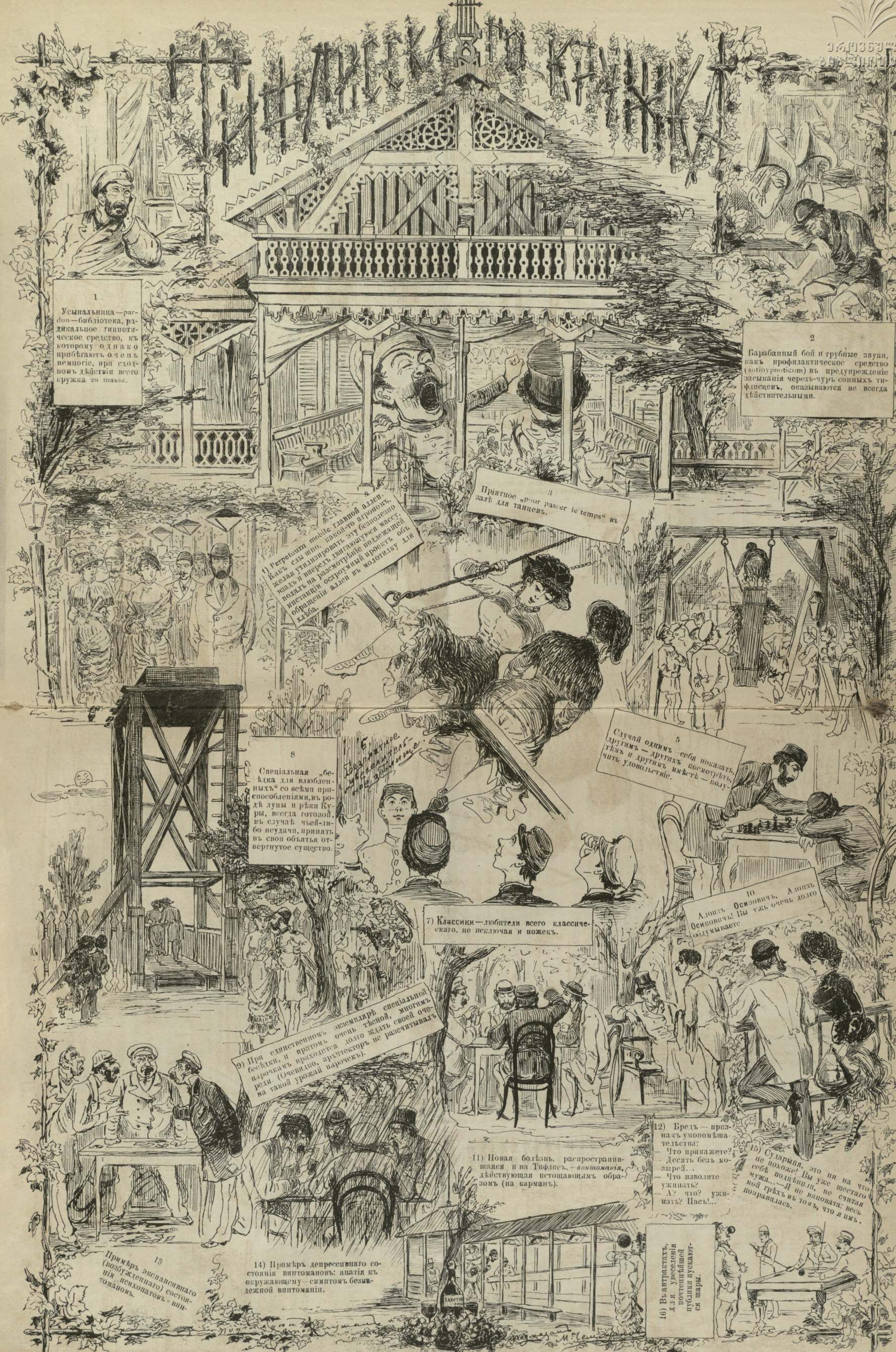
Прелестна какъ нимфа она,

Еѣ отдалъ бы жизни остатокъ,

Но есть въ ней одинъ недостатокъ...

Она мнѣ жена.

Г...

1
Усыпальница — рад-
доп — библиотека, рад-
икальное гипнотиче-
ское средство, к
которому одно
прибгают очень
немногие, при сход-
номъ дѣйстви всего
кружка en masse.

2
Барабанный бой и грубые звуки,
какъ профилактическое средство
(antibruticum) въ предупрежденіе
засыпанія черезъ чуръ сонныхъ ти-
фисцевъ, оказываютъ не всегда
дѣйствительными.

3
Приятное „pour passer le temps“ въ
залѣ для танцевъ.

4
Регрессива моимъ Глазной аллои,
Канья, самъ вино, какой-то агриномъ,
желая утилизировать эту безнадоро-
жель и впередъ интимакуея массу,
попытъ на разсмотрѣніе подлежащихъ
инстанцій остроумный проектъ объ
обращеніи аллои въ молотилку для
хлѣба.

5
Случай однимъ — себя показать,
другимъ — другимъ посмотрѣть,
тебѣ и другимъ вмѣстѣ — полу-
чить удовольствіе.

8
Спеціальная „бе-
ѣдка для влюблен-
ныхъ“ со всѣми при-
способленіями, въ ро-
дѣ луны и рѣки Ку-
ры, всегда готовой,
въ случаѣ чьей-ни-
бу неудачи, принять
въ свои объятія от-
вергнутое существо.

7
Классики — любители всего классиче-
ского, не исключая и пожекъ.

10
Алюция! Основица! Алюция!
Основица! Вы ужь очень долго
обдумываете.

9
При единственномъ экземплярѣ спеціальной
баскѣи, и притомъ очень тѣсной, многими
парочками приходится долго ждать своей оче-
реди. (Отевнино, архитекторъ не рассчитываетъ
на такой урожай парочекъ).

12
Бреть — при-
наль умопомѣша-
тельства:
Что прикажете?
Десять безъ ко-
зирей...
Что изволите
ужинать?
А? что? ужин-
ать? Пастъ!...

15
Сударья, это ни на что
себѣ похаживать, не сянтая
мужа... — Я не виновата: песь
мой грѣхъ въ томъ, что я имъ,
поправилась.

11
Новая болѣзнь, распространи-
вшаяся и на Тифлисъ, — винтоманія,
дѣйствующая истощающимъ обра-
зомъ (на карманъ).

16
Въ антрактахъ,
а.я. увеселенія
послѣднейшей
публичной лускаютъ-
ся шары.

13
Примѣръ экзальсированнаго
(воздужденнаго) состо-
янія „луконатовъ“ — вин-
томановъ.

14
Примѣръ депрессивнаго со-
стоянія винтомановъ: апатія къ
окружающему — симптомъ безна-
дежной винтоманіи.

СТИХОТВОРЕНИЯ С. В. ДУРОВА

(сообщены А. И. Пальмомъ)

1

Вашъ жр. бій палъ! Счастливая пора
Для васъ прошла... Вы кинули игрушки...
Не тѣшатъ васъ пустыя погремушки,
Которыя съ утра и до утра
Васъ тѣшили не дальше какъ вчера.
Вы, нехотя, на жизнь открыли глазки,
И чтожь нашли? Несбыточность мечты,
Гоненія лукавой клеветы,
Въ друзьяхъ своихъ—предательскія ласки..

* *

А прежде вы смѣялись надо мной,
Вамъ шуткою моя казалась горестъ,
И опыта дѣйствительная повѣсть
Была для васъ безумною мечтой,
Воображенія болѣзненной игрой...
Но отъ меня васъ ждетъ другая плата:
Гонимые отъ свѣта и молвы
Во мнѣ одномъ теперь найдете вы
Сопутника, товарища и брата.

2

Куда ни помотришь—повсюду
Увидишь печальныя лица:
Не встрѣтишь веселой улыбки,
Веселаго взгляда не встрѣтишь..

* *

Захочешь-ли вѣлুষаться въ рѣчи—
Летучія рѣчи людскія—
Въ нихъ слышишь какую-то муку
Сомнѣнья, надежды и страха.

* *

Сойдешься-ли съ искреннимъ другомъ
И тайны ему повѣряешь:
Все какъ-то не выразишь мысли,
Отвѣта отъ друга не выждешь...

СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ

О КАВКАЗСКИХЪ ДѢЛИШКАХЪ

Подобно тому, какъ заграничная печать отличалась до послѣдняго времени полнѣйшимъ невѣжествомъ въ отношеніи Россіи и часто утверждала, что тамъ люди ѣдятъ самоваръ и стекломъ утираются, такъ и наши столичныя газеты знакомили своихъ читателей съ Кавказомъ по сказкамъ «Тысячи и одной ночи».

Впрочемъ, прошлогоднее временное просвѣтлѣніе русской печати немного открыло глаза петербургскимъ журналистамъ на дѣйствительное положеніе забытыхъ окраинъ. Противъ всякаго ожиданія, въ «Новомъ Времени» мы прочли на дняхъ двѣ замѣтки о Кавказѣ, въ которыхъ къ сказкамъ примѣшана порядочная доля правды. Спѣшимъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

Замѣчательно, что это автономное управление было создано не въ то время, когда Кавказъ, имѣя весьма непрочное сообщеніе съ „оказіями“

по военно-грузинской дорогѣ, представлялъ совершенно отрѣзанную отъ Имперіи область, заключающую въ себѣ нѣсколько полунезависимыхъ и частью вовсе независимыхъ народовъ, а во время намѣстничества князя Барятинскаго, когда умиротвореніе Кавказа сдѣлало такіе большіе шаги впередъ.

При князѣ Барятинскомъ въ Тифлисѣ учредился рядъ департаментовъ, соотвѣтствовавшихъ петербургскимъ министерствамъ, и существовало, по видимому, предположеніе совершенно отдѣлать кавказскую администрацію отъ общенародной, причемъ кавказскій комитетъ въ Петербургѣ игралъ ту же роль, что статсъ-секретаріатъ играетъ для Финляндіи.

Сразу, однако, обозначилось неудобство подобнаго раздѣленія; большинство департаментовъ оказались излишними, и при управленіи великаго князя Михаила Николаевича они были упразднены.

Такимъ образомъ, „автономія“ Кавказа не имѣла ничего общаго съ тѣмъ понятіемъ, которое даетъ объ этомъ словѣ государственное право. Никакой особенности края, соотвѣтствующей его національнымъ и экономическимъ условіямъ, она не гарантировала, а сводилась лишь къ тому, что различные чиновники намѣстничества подчинялись не своимъ подлежащимъ министерствамъ, а одному лицу, жившему въ Тифлисѣ и носившему званіе начальника гражданскаго управленія. Лицо это хотя подчинялось намѣстнику, но по существу власти было почти равносильно министру.

Говоря, однако, о полномъ слитіи края съ имперіей, мы, само собою, подразумѣваемъ здѣсь административное только объединеніе, но вовсе не желаемъ, чтобы были затронуты особенности въ гражданскихъ законахъ, обуславливающихъ Кавказу или нѣкоторымъ частямъ его нѣсколько отличное отъ чисто русскихъ губерній существованіе. Подобныя различія должны оставаться, пока въ нихъ будетъ предостоять надобность.

(См. „Нов. Вр.“ № 1915).

Отъ души желаемъ, чтобы эти мысли всегда поддерживались столичною прессою. Но увы и ахъ! Мы сами чувствуемъ, что это—неосуществимое желаніе, такъ какъ у нашихъ большихъ газетъ вошла въ плоть и кровь привычка разрушать моментально лѣвою рукою то, что создается правою. Быть можетъ, не успѣемъ мы отпечатать вышеприведенныя строки въ „Фалангѣ“, какъ уже появятся въ какой-нибудь петербургской или московской газетѣ длинныя разсужденія о неисправимой дикости кавказской природы.

Какъ въ упомянутой замѣткѣ, такъ и въ послѣдующей, въ № 1917, „Нов. Время“ не скушится на указаніе промаховъ нѣкоторыхъ прежнихъ кавказскихъ чиновниковъ.

„Десять лѣтъ назадъ,—говорится въ замѣткѣ,—весь почти бюджетъ края, вся его финансовая сила основывалась на откупахъ! Точь въ точь какъ при персидскомъ правительствѣ. И до сихъ поръ многіе откупа, прямо унаслѣдованные отъ персовъ, процвѣтаютъ за Кавказомъ, тогда какъ у насъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ самое имя откуповъ—этихъ центровъ административнаго развращенія—исчезло изъ законовъ“.

Все это прекрасно, но давно ли само „Нов. Вр.“ перестало восхищаться принципами персидскихъ сатраповъ и давно ли оно отвыкло угощать своихъ читателей сценами во вкусѣ персидскихъ гаремовъ. Ужь лучше бы говорило только о персидскомъ порошокѣ.

Дѣло, однакожъ, не въ этомъ, и мы про-

должаемъ дѣлать выдержки изъ интересной замѣтки „Нов. Врем.“

„Одинъ взглядъ на карту владикавказской желѣзной дороги, обходящей въ 25 верстахъ богатѣйшія въ мірѣ лечебно-минеральныя воды, способнъ привести всякаго нѣмца въ недоумѣніе; но когда тотъ же нѣмецъ узнаетъ, что эти воды не только не приносятъ дохода государству, но еще, сланныя въ аренду, требуютъ отъ казны приплаты въ пользу арендатора 36 тыс. руб. въ годъ, то это уже переходитъ за предѣлы его нѣмецкаго пониманія, и онъ по-нѣмецки грубо бранится“.

Здѣсь рѣчь идетъ о статьѣ „Allgemeine Zeitung“, въ которой мрачными красками рисуются нѣкоторые изъ прежнихъ представителей кавказской администраціи. Въ той же нѣмецкой статьѣ выражено удивленіе по поводу дѣйствій нѣкоторыхъ батумскихъ и карсскихъ чиновниковъ, допускающихъ выселеніе изъ вновь присоединенныхъ къ Россіи округовъ земледѣльческаго класса населенія.

Это удивленіе нѣмца вполне понятно, потому что въ Германіи въ настоящее время сильно стараются принять энергическія мѣры противъ эмиграціи рабочихъ въ Америку. Неужели и въ этомъ случаѣ будемъ утѣшать себя пословицей: „что нѣмцу смерть, то русскому здорово“?

Такъ какъ суворинская газета не можетъ дать статью, въ которой не было бы вопіющихъ противорѣчій, то—вѣроятно, исключительно по этой причинѣ,—встрѣтили мы въ означенныхъ замѣткахъ слѣдующія строки, написанныя курамъ на смѣхъ:

„Вездѣ чиновникъ служить нанимающему его правительству, а у насъ онъ всегда служитъ своей идеѣ, непремѣнно научной и еще чаще филантропической“.

Такъ вотъ, откуда бѣда грозитъ Кавказу! Нельзя ли поскорѣе уничтожить и идейность, и научность, и филантропичность! Навѣрное, тогда всѣ читали бы только „Новое Время“.

ЭПИГРАМЫ И ЭКСПРОМТЫ

(Изъ Альбома А. Льва.)

I

—Отчего, скажите, докторъ,
Вы такой сегодня злой?
Безъ сомнѣнія, усталый
Возвратилесь вы домой:
Паціентовъ вашихъ масса...

—„Ахъ, не то, не то, ей-ей!

„Петръ Иванычу сегодня
„Провинтилъ я сто рублей...“

II

N. N.

Ты хороша, умна и граціозна,
Твои глаза, какъ яхонты горятъ,
Твои черты осмысленно серьезны,
Твои уста безъ звуковъ говорятъ;
Но— пусть бранятъ меня друзья!—
Въ любви къ тебѣ... не каюсь я...

ГОЛОСА НА ЧЕРДАКЪ

Изъ новаго сборника В. Гюго „Les quatre vents de l'esprit“.

Изношенное платье.

Мечтаю я о двухъ новинкахъ:
О пестрыхъ шелковыхъ чулкахъ
И лакированныхъ ботинкахъ.

Колченогий стулъ.

Мнѣ слышенъ голосъ въ облакахъ:
„Благословляю я васъ, кресла!“
И—зависть къ нимъ во мнѣ воскресла.

Холодная печка.

Какъ хорошо, о Боже мой,
У камелька сидѣть зимой,
Когда огонь въ немъ блещетъ ярко
И въ комнатѣ свѣтло и жарко.

Стананъ съ водой.

Я о винѣ грущу давно.

Блюдечко, покрытое пылью.

Ахъ, кофе лучше, чѣмъ вино!

Деревянная чашка.

Пріятно крикнуть въ ресторанѣ:
—„Эй, человѣкъ! Согрѣй заранѣ
Бордо бутылки двѣ или три;
За курюваткой присмотри:
Чтобъ трюфели въ ней были—помни!—
Да устриць принеси еще мнѣ.“

Разбитое окно.

Блеститъ окно во всей красѣ,
Когда въ немъ стекла цѣлы всѣ.

Пустой кошелекъ.

Лишь стоитъ ассигнацій пачкой
Трихнуть ростовщику слегка,—
Хоть онъ любого должника
Не станетъ баловать потачкой,—
Хотя онъ грязенъ, какъ дервишь,
И старика нѣтъ въ мірѣ гаже,—
Къ нему сама Венера даже
Въ сіяньи вѣчной красоты
Сойти готова съ высоты.

Дырявая подошва.

Какой восторгъ—что съ нимъ срав-
нится?—

По Cours-la-Reine въ хорошій день
Въ ландо покойномъ прокатиться,
Впадая въ сладостную лѣнь!...

Сквозной потолокъ.

А если вѣтеръ рвется грубо,
Пыль оставляя за собой,—
Сквозъ стекла экипажа любо
Смотрѣть навѣрхъ въ сводъ голубой.

Синее небо.

Молчите! Зависть—грѣхъ позорный.
Иль нѣтъ въ васъ гордости упорной,
Чтобъ смѣло говорить весь вѣкъ:
„На чердакѣ ѣмъ хлѣбъ и черный,
Но все-жъ я честный человѣкъ!“

Дм. М—въ.

С.-Петербургъ.
іюля 1881 г.

РАЕШНИКЪ „ФАЛАНГИ“

Господа честные, подходите, кой-что по-
вѣнское посмотрите! Есть у меня и карти-
ны мѣстныя, очень даже для васъ интерес-
ныя... Но сперва, вотъ, не угодно-ль взгля-
нуть, чтобъ было чѣмъ помянуть, на одну
картинку расseyскую: не все же намъ про-
бавляться своей берлогой,—и остальнымъ
міромъ не мѣшаетъ позаняться немного!

Начинаю.

Вотъ, братцы мои, передъ вами вся
русская публика... Дождалась она вмѣсто
пряника—бублика! Поднадула ее маленько
наша пресса: пообѣщала ей кое-что въ ро-
дѣ прогресса, а теперь газеты сообщаютъ,
что лѣтомъ-де всѣ отдыхаютъ, и о чемъ го-
ворить—не знаютъ! Всѣ прежде было и уши
развѣсили, а теперь, гляди-кось, носы повѣ-
сили!

Тише ѣдешь, дальше будешь..

Поворачиваю.

А вотъ и картины тифлисскія, нашему
сердцу близкія: представляетъ картина—вотъ
эта—засѣданіе цензурнаго комитета; а все-
го-то цензоровъ осталось на лѣто трое—не
много! да за-то они все печатное разбира-
ютъ строго. Особенно имъ неохота разрѣ-
шать для Фаланги «Съ налета».

Однаже, братцы, скажу вамъ смѣло: тяже-
ло оно—цензорское дѣло...

Положеніе хуже губернаторскаго!

Поворачиваю.

Вотъ передъ вами отцы гимназистовъ—
окончившихъ курсъ „реалистовъ“. Чадолю-
бивые родители думали, гадали, да плохо
разсчитали—хотѣли дѣтямъ дать воспитанье
реальное, а вышло нѣчто крайне печальное,—
вмѣсто ученья, одни огорченья: сыновья-то
курсъ кончаютъ, а въ университеты ихъ не
принимаютъ.

Вотъ вамъ и Юрьевъ день.

Поворачиваю.

Смотрите, братцы, въ оба, вотъ она—каз-
начейская утроба: 150 тысячъ стянуть, гла-
зомъ не моргнувъ; въ кассѣ заведеній св.
Нины нѣтъ теперь и полтины. А онъ еще
бормочетъ, что передъ нами отвѣта держать
не хочетъ: наплевать мнѣ, говорить, на всѣ
нападки, у насъ-де заведены свои порядки: я
отвѣтъ дамъ по начальству!..

Коротко и ясно!

Есть еще у насъ картины иныя, очень
дорогія,—да безъ билета отъ цензурнаго
комитета показывать ихъ не смѣемъ, а би-
лета этого не имѣемъ. Какъ получимъ ра-
зрѣшеніе, тогда милости просимъ, а пока
просимъ прощенія! Не взыщите!

Ив. Тх—скій.

ФИЛОСОФЪ И ПРОХОЖІЙ

Философъ

(Идетъ по одной изъ тифлисскихъ улицъ лунной
лѣтней ночью и, какъ умный человѣкъ, рассужда-
етъ самъ съ собою вслухъ)

Любовь, богатство, власть и слава—
Вотъ всѣ кумиры нашихъ дней,
Они одни влекутъ людей
На мирный трудъ и въ бой кровавый;
Они одни лишь намъ дарятъ
Покой и счастье, и восторги,
И пусть восторги тѣ не долги,
Они одни лишь насъ бодрятъ...
Немного намъ отъ жизни надо,
И все-жъ—гляди, какъ жизнь скупа!—
Вездѣ, вездѣ идетъ борьба,
Всѣ ищутъ жадно Эльдорадо,
Обѣтованной той страны,
Гдѣ счастьемъ всѣ упоены...
Но гдѣ страна та? Кто намъ скажетъ?
Кто Эльдорадо намъ укажетъ?
Никто! Никто!..

Прохожій

(останавливаясь и прислушиваясь къ послѣднимъ
словамъ философа)

Никто? — Чудакъ!

Да ты въ любой зайди кабакъ!..

А. Левъ.

ИНТИМНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

I

Ma chère

Я ничего тебѣ не пишу о моемъ здоровьѣ,
потому что ты знаешь, какъ я занимаюсь.
На засѣданіяхъ я развлекаюсь чтеніемъ га-
зетъ и предаюсь поэтическимъ грезамъ: я
себя роображаю въ командировкѣ, окружен-
нымъ услужливыми людьми, которые не пе-
реставая спрашиваютъ меня: „что прикаже-
те“, „чего изволите“, „какъ вы велите!“

Кстати. Мой ангелъ, вычисли, сколько
верстъ я долженъ проѣхать и сколько пре-
зрѣннаго металла мнѣ слѣдуетъ изъ казны
за это путешествіе. Такъ беспокою тебя по-
тому, что, какъ ты знаешь, я не силенъ въ
математикѣ, того и гляди какую-нибудь со-
тню прозѣваешь!

Впрочемъ, я долженъ тебѣ сознаться, что
вчера спалъ я очень плохо. Этотъ maudit
Вольдемаръ во всемъ виноватъ и не заслу-
живаетъ снисхожденія.

Повидимому, нѣчего тревожиться; сколько
бы тамъ ни сокращали штаты, судъ не уп-
разднится, такъ какъ всегда были и будутъ
кляузники, а гдѣ кляузники, тамъ и суды.
Но дѣло въ томъ, что судъ останется, а ты,
грѣшный человѣкъ, полетишь cascade, cas-
cade, и можешь упасть въ глазахъ началь-
ства и общества до положенія любой кас-
кадной пѣвицы. Я, какъ ты знаешь, дѣй-
ствую по вдохновенью, какъ Богъ на ду-
шу положить, а явится какой-нибудь мун-
дирный нигилистъ—ученый юристъ и важно

спросить: а подать-ка сюда судебные уставы, чтобы проэкзаменовать вашество. Тогда пиши пропало, ибо законы мы беремъ въ руки только тогда, когда надо опредѣлить мѣру наказанья преступнику, либо пресѣчь обвиняемому пути къ уклоненію отъ слѣдствія.

Нужно подумать и о твоей сестрѣ; ей пора выйти замужъ. А ей непременно нужно отыскать какого-нибудь жениха. Безъ этого не годится.

Прощай и помни обо мнѣ.

Тон vieux polisson Petia.

2, 3, 4 іюля, того же года.

Гозинаки.

II

Дѣлопроизводитель чхиркедельскаго отдѣленія титулярный совѣтникъ Самоучковъ къ своей супружницѣ.

Моя любезнѣйшая трещотка, знай, что намъ прописана чистѣйшая отставка. Тѣмъ не менѣе духомъ падать не приходится, такъ какъ я сумѣю найти себѣ подходящее дѣло. Кое-что вкусное, лакомое имѣется въ виду: ты никогда бы не догадалась...

Дѣло въ томъ, что отдавать деньги взаи-

мы здѣсь страсть какъ выгодно, всѣ туда потянулись: у кого только имѣются деньги и смѣтка, всякъ норовитъ открыть гласную кассу судъ; всѣ туда тянутъ: и первѣйшіе князья, первѣйшіе генералы и др., это, кажется, самый лучший способъ жить своимъ трудомъ: выгодно и мило!

Теперь я повелъ иную политику: ужъ если нельзя избѣгнуть отставки, по случаю сокращенія штатовъ, то лучше воспользоваться своимъ настоящимъ положеніемъ власть: брать и брать!!! Эта рѣшительная политика вполне безопасна, потому что все равно—уволить, такъ лучше пострадать за дѣло, чѣмъ такъ себѣ, здорово живешь!

Я имѣю въ виду еще и другое выгодное дѣло: хочу разводить свиней. Ты, говорятъ мнѣ, до сихъ поръ жилъ со свиньями и съ людьми обращался по-свински, такъ ужъ самъ Богъ велѣлъ тебѣ свиноводствомъ заниматься. Они говорятъ къ примѣру; а я этимъ дѣломъ и воспользуюсь.

Твой дубина Егорка.

3 іюля, того-же года. М. Дардубалла.

Съ подлиннымъ вѣрно Езопъ.

ЗАМѢТКА

Въ петербургскихъ газетахъ напечатано уже извѣстіе о томъ, что главный выигрышъ, въ 200,000 рублей, въ послѣдній тиражъ перваго Внутренняго Займа, палъ на билетъ, находящійся во владѣніи наслѣдниковъ известной фирмы Гвейеръ. Въ интересахъ Алексѣя Щербакова, которому не даютъ покоя наши коршуны и тузы, мы спѣшимъ перепечатать это извѣстіе, дабы окончательно убѣдить и редактора „Тифлискихъ Объявленій“, и продавца великолѣпнаго имѣнія, и жаждущихъ богатства невѣсть, и вообще всѣхъ, кто слишкомъ рано посидѣлъ носить на рукахъ прикащика водочнаго склада, въ томъ, что вся эта двухсоттысячная исторія есть ни болѣе ни менѣе какъ жирная утка, вскормленная въ редакціи, слишкомъ ужъ сильно старающейся дарить своихъ читателей свѣжими новостями.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОЛУГODOВАЯ ПОДПИСКА

(СЪ 1 ІЮЛЯ ПО 1 ЯНВАРЯ 1882 ГОДА).

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ФАЛАНГА“

ВЫХОДЯЩІЙ ВЪ Г. ТИФЛИСѢ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Въ „Фалангѣ“ принимаютъ участіе: Атомъ (псевдонимъ), г. Алѣевъ-Днѣпровскій, К. А. Бебутовъ, Горесмѣховъ (псевдонимъ), Езопъ (псевдонимъ), Д. Д. Минаевъ, А. Я. Немеровскій, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, И. Ф. Тхоржевскій, (Иванъ-да-Марья), кн. Д. Г. Эристовъ, кн. Ак. Церетели и др.

Карикатуры и рисунки исполняются художниками: Петерсономъ (псевдонимъ), М. Чемодановымъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.		СЪ РАЗСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ.	
На 1 годъ	8 р. — к.	На 1 годъ	8 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, въ гор. Тифлисѣ, на Эривалской площ., въ домѣ Харазова, № 3.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ.

Лица, подписавшіеся на „Фалангу“ съ 1-го іюля по 1-е января, а также всѣ годовые подписчики (кроме подп. „Тифл. Вѣст.“) — получаютъ „Альбомъ рисунковъ (6) къ послѣднимъ сатирамъ (1881 г.) Щедрина“ М. М. Чемоданова.